

зревания Гоголя. Центр тяжести в его религиозных путях был в другой сфере, в проблеме религиозного преображения жизни, трудности чего не связаны с конфессиональными особенностями католичества или православия. Но прежде чем перейти к тому, как размышлял Гоголь на темы богословия культуры (к чему все время направлялась внутренняя работа в нем), нам надо остановиться на том религиозном со средоточении Гоголя *на вопросах внутренней жизни личности*, которое определяло дальнейший путь в его идейной и творческой жизни.

ГЛАВА III

1. Духовный перелом, связанный с крушением эстетической утопии, перешедший затем в живую потребность религиозного понимания творчества и жизни, произошел у Гоголя в начале 1836 г. Однако после первых приступов тоски, в которой отразился перелом, изменивший многое в понимании тем жизни, — Гоголь, уже на новых путях жизни, почувствовал прилив творческих сил, пережил почти патетически восхищение природой Италии и ее искусством. Но этот патетизм, естественно, стал стихать затем у него, — а «ночи на вилле» у постели умирающего Вельгорского с новой острой поставили религиозную тему. Окружение кн. З. Волконской и она сама все время вели с Гоголем беседу на религиозные темы; не поколебав конфессиональных переживаний Гоголя, они все же будили религиозную мысль. Нужен был какой-то толчок, чтобы в Гоголе завершился начавшийся в 1836 г. духовный перелом и тем положил начало уже новому периоду духовной жизни, обогатив и направив идейное и духовное творчество Гоголя на новые пути.

В августе 1840 г. Гоголь сильно захворал, но кроме физических страданий он испытал «болезненную тоску»: «Это было ужасно, — писал он в октябре 1840 г. Погодину, — это была та самая тоска, то ужасное беспокойство, в каком я видел Вельгорского в последние дни его жизни». Врачи не могли помочь Гоголю, и он, «поняв свое положение», наскоро написал завещание. Гоголь решился ехать в Италию, чтобы там умирать, — но дорога спасла Гоголя, как он сам писал Плетневу в том же октябре 1840 г. В ноябре того же года Гоголь пишет Погодину о том, что «Бог дивной силой воскресил» его, — и к этому и относятся приведенные уже (из этого же письма в декабре 1840 г.) слова, что «многое совершилось во мне в немногое время». «Одна только чудная воля

Бога воскресила меня,— писал он в январе 1841 г.— Это чудное исцеление наполняет мою душу несказанным утешением; стало быть, жизнь моя нужна». В марте 1841 г. Гоголь пишет С. Т. Аксакову о том, что его жизнь отныне вся в руках Бога: «Меня теперь нужно лелеять и беречь не для меня». «Чудной жизнью живу я теперь,— писал он в апреле 1841 года Жуковскому,— живу внутренней огромной, заключенной во мне самом жизнью». «Свежестью объемлется душа моя, восторг восторжествовал над болезнями и хворями моего тела» (авг. 1841 года).

2. В письмах Гоголя именно в это время начинает звучать новый мотив — он чувствует в творческом вдохновении своем высшую силу и чувствует, что «властью высшей облечено его слово» (авг. 1841 г.): «Вдвойне властно над тобой мое слово», — это из только что приведенного письма Гоголя к его другу Данилевскому — и горе кому бы то ни было не слушающему моего слова! Это чувство, это сознание, что Бог посыпает ему вдохновение, — эта мысль вообще руководит им, вызывает у Гоголя не гордость, а уверенность в себе. В начале 1842 г. он пишет своему другу Прокоповичу: «Три-четыре слова, посланных мною Данилевскому, низвели свежесть в его душу». Тут же Гоголь добавляет: «Имей в меня каплю веры, и живящая сила отделятся в душу твою». В том же году Гоголь пишет Жуковскому о том, что он верит, что «небесная сила поможет взойти мне на ту лестницу, которая предстоит мне» и тут же добавляет: «Силой стремлений моих, силой слез, силою душевной жажды быть достойным Бога, благословляю вас. Благословение это не бессильно, и потому с верою примите его».

Это уже близко к экстазу, и письма этого времени отражают то горение духа, которое все больше росло в Гоголе. Ему «скучно», когда идет разговор о внешних вещах (письмо матери в 1841 г.). «С каждым днем становится все светлее и торжественнее в душе моей», — пишет Гоголь в только что приведенном письме к Жуковскому. «Душа моя слышит грядущее блаженство» (письмо Аксакову в середине 1841 г.). В патетическом тоне Гоголь пишет художнику А. А. Иванову о «великом открытии»: «Препятствия суть наши крылья». В это же время Гоголь пишет Прокоповичу: «Если нет в твоем духе вечной светлости, обратись мыслю ко мне, и ты просветлеешь непременно, ибо души сообщаются, и вера, живущая в одной душе, переходит невидимо в другую». «Жизнь моя,— писал Гоголь Данилевскому (февраль 1843 г.) — давно уже происходит внутри меня, а внутреннюю жизнь нелегко передать — тут нужны томы». В июне 1843 года он пишет тому же Данилевскому: «Внутренней жизнью я считаю ту жизнь, когда человек уже не живет своими (внешними) впечатлениями, но сквозь все видит одну при-

стань и берег — Бога. Внешняя жизнь вне Бога, внутренняя жизнь в Боге».

Сам Гоголь признается (письмо Погодину в ноябре 1843 г.), что, «воспитываясь внутренно в душе моей, я уже начинаю приобретать в себе гордые мысли... словом, я уже чуть не почитаю себя преуспевшим в мудрости человеком». Нечего удивляться, что в этом состоянии Гоголь чувствует и возможность, и даже обязанность давать советы близким людям, руководить ими в их духовной жизни.

3. Эта новая установка духа более понятна, скажем, у того, кто, приняв сан священника, тем самым призывается «руководить» совестью людей, — но у Гоголя она была выражением потребности делиться с друзьями той мудростью, которую, как ему казалось, он накопил в себе. В конце 1843 г. он пишет матери: «Дайте мне слово в течение первой недели Великого Поста читать мое письмо, перечитывая всякий день по одному разу». В начале 1844 г. он пишет сразу всем московским друзьям — С. Аксакову, М. Погодину, С. Шевыреву, посыпает им книгу «Подражание Христу» и пишет: «На то употребление, которое я вам назначу, нет лучше этой книги. Читайте всякий день по главе». Это наставление Гоголя и поразило, и даже возмутило (напр., старика Аксакова) своим учительным тоном. Въельгорской Гоголь пишет: «Примите правила (которые он рекомендовал) как повеление самого Бога» (март 1844 г.). Это уже совсем странное «учительство» у Гоголя в отношении людей, церковно зрелых. Смирновой Гоголь пишет слова, которые при всей их дружбе, звучат суровым «учительством»: «Закон Божьей премудрости для вас мертв». С какой-то претенциозностью сурового «учителя» он пишет Въельгорской: «Не смейте так долго не писать мне». В более позднем письме (июль 1845 г.) Смирновой Гоголь пишет: «Письмо перечитывайте чаще и передумайте заблаговременно обо всем, что ни есть в нем, хотя бы оно показалось вам и не весьма основательным». Ей же он пишет в октябре 1845 г.: «Я приказываю вам не грустить».

3. Это «учительство» у Гоголя внешне очень напоминает духовную установку строгого священника, руководящего своей паствой. Иногда действительно кажется, что Гоголю следовало бы стать священником, раз у него была такая потребность входить в душевые дела других людей и давать им разные советы. *Может быть, что-то в Гоголе и есть от нереализованного в нем священства*, но не надо забывать, что в годы, когда стихия учительства так владела им, он не переставал быть писателем: Гоголь как раз начал в это время писать 2-й том «Мертвых душ» со всеми теми огромными задачами, которые онставил себе в своей «поэме». С одной стороны, он ведет себя совершенно, как «старец», руководящий духовной жизнью разных лиц (Смирновой он писал

в 1844 году, что она должна вести для него «почти дневник мыслей, чувств и ощущений»), а с другой стороны, он как раз в это время обдумывает издание своих размышлений на общие темы русской жизни, пишет постепенно замечательную статью «В чем же существо русской поэзии», которая вошла потом в «Выбранные места». Как увидим дальше, Гоголь занят *выработкою нового мироизречения*, в нем разгорается работа мыслителя, а не старца. «Мои приятели, — писал Гоголь Смирновой (конец 1844 г.), — познакомились со мной тогда, когда я был еще *прежним человеком*. Это чувство новой установки не только в духовном самоустройении, но и в мироизречании, в понимании вопросов жизни, культуры, сопровождается «холодностью к литературным интересам» его приятелей (из того же письма Смирновой). Он пишет (начало 1845 г.): «Дух мой жаждет деятельности и томится от бездействия», — и отсюда уже планы издания, «небольшого произведения, не *шумного* по названию и отношению к нынешнему свету, но *нужного для многих*». Он резко говорит: «Я не люблю моих сочинений, доселе напечатанных — и особенно „Мертвых душ“». Матери он пишет (июль 1845 г.): «Мне совестно не других, а самого себя, а до того, как кто примет меня, мне и дела нет», — а своему другу Н. Н. Шереметевой он пишет: «Молитесь о том, чтобы вся моя жизнь была служением Богу». Гоголь признается Плетневу (конец 1845 г.), что все это время было трудным для него («Много, много в это время совершилось во мне»), и он надеется, что его «поэма» (т. е. 2-й и 3-й тома «Мертвых душ») «разрешат загадку его жизни».

4. Религиозный перелом, произшедший в Гоголе, сказался прежде всего в том, что Гоголь уходит в себя, в свои переживания; он *для самого себя* отдается религиозной жизни, стремится укрепить живое ощущение Бога и до конца понять зависимость свою от Бога. Естественно, что на этом пути он стремится к перестройке себя как человека, ищет путей к освобождению себя от тех интересов и стремлений, какими он жил до сих пор. В этой потребности найти для самого себя путь новой жизни Гоголь начинает искать у своих близких друзей указаний на его недостатки. Он просит друзей говорить ему прямо, без обиняков всю правду о нем, считает, что лучший подарок ему — это указание его недостатков. Он жаждет упреков, хочет знать, в чем он действует неправильно — и на этом пути «самоочищения» он становится максималистом. По любимому его выражению, «христианин всегда идет вперед», он не может удовлетвориться никакими «достижениями», так как перед ним сияет идеал, вечно зовущий к себе. Ненасытная жажда идти все дальше и дальше несет с собой ясное сознание своей «дебелости», своей «малости». «Я люблю добро, — писал Гоголь в «Выбранных местах».

ран. местах», — я ищу его, я сгораю им, но я не люблю моих мерзостей и не держу их руку, как мои герои в „Мертвых душах“». «Для христианина, — писал Гоголь там же, — нет окончательного курса, он вечно учится и до самого гроба ученик».

Гоголь вступает на путь, который, конечно, не знает конца, который определяется не просто аскетической идеей борьбы со своими недостатками, но воспламеняет душу обращенностью ввысь, к Бесконечности. Именно эта обращенность ввысь, эта ненасытная жажда «идти вперед» пересознадает все прежнее моральное сознание, какое было у Гоголя раньше. Оно было всегда подлинным, искренним; можно сказать вместе с Мочульским, что в Гоголе была нравственная гениальность, была чуткость ко всякой неправде и в себе, и в других людях. Но с расцветом религиозного чувства моральное сознание перерождается потому, что не какие-либо общие принципы морали определяют теперь его самосознание, его самооценку, а то, что переживает душа в своем «стоянии перед Богом». Гоголь с присущим ему максимализмом готов выступить на «всенародное посрамление», как верно отметил это Мочульский. Он способен даже к юродству на этом пути, он дописался ведь до фразы: «Мне тоже нужна публичная оплеуха» («Выбр. места»). Это все напрасный, излишний, безудержный максимализм, за которым стоит идея, основная для всякой религиозной морали — идея греха, так глубоко выраженная в 50-м псалме: «Тебе Единому согреших». Именно идея греха и преображает вообще обычное моральное сознание: в грехах нарушается не правда моральных «принципов», а нарушается правда Божия. Оттого чувство греха относит все в моральном сознании к Богу; моральная жизнь в силу этой постоянной обращенности к Богу становится проводником мистической жизни. Отсюда понятна суровость Гоголя к самому себе, отсюда, как увидим, начнет развиваться и новое мировоззрение у него — и прежде всего из нового понимания самого себя, души человеческой вообще. «На дне души нашей, — писал Гоголь в «Выбр. местах», — столько таится всякого мелкого, ничтожного самолюбия, щекотливого, скверного честолюбия, что нас ежеминутно нужно колоть, бить всевозможными орудиями». В пересмотре своего душевного хозяйства Гоголь становится придиличным к самому себе: «Я почувствовал, — писал Гоголь в одном письме по поводу «Мертвых душ» («Выбр. места»), — презренную слабость моего характера, мое подлое малодушие, бессилие любви моей... Во мне не было какого-либо одного слишком сильного порыва, но зато вместо него во мне заключилось собрание всех возможных гадостей». Гоголь в самом себе узнавал Хлестакова, Чичикова: он и позже повторял, что герои «Мертвых душ» во мн-

гом «не отделились от меня самого». Гоголь даже утверждал (см. письмо по поводу «М. д.» в «Выбранных местах»), что его последние сочинения «история моей собственной души».

Надо признать, что, вступив в период духовного перелома, Гоголь хоть и не сразу (прошло ведь почти 5 лет с того момента, когда у Гоголя надорвалось его прежнее отношение к своему писательству, к своей жизни), но все же пошел верным путем, начал пересмотр всех своих воззрений на людей *с самого себя*. Здесь проявилась логика религиозного сознания — его исходным пунктом (если дело идет о действительном «обращении», о повороте всей души к Богу) является прежде всего новая оценка своего внутреннего мира, новое самосознание. Гоголь, не имевший никакого руководителя в своей духовной жизни, вступил все же на верный путь, углубившись в свой внутренний мир. В Гоголе началась перестройка его собственной души, — и постепенно это стало переходить в перестройку всех его взглядов. Гоголь начинает испытывать теперь глубокую потребность изложить свое новое миросозерцание, и чтобы сократить свой труд, он задумал выбрать из своих писем к друзьям наиболее важные места, добавив несколько новых статей (самый замысел издания «Выбр. мест из переписки с друзьями», по-видимому, надо относить уже к началу 1845 г.). «Я как рассмотрел, — писал Гоголь в апреле 1845 г., — все то, что писал разным лицам в последнее время, особенно нуждавшимся и требовавшим от меня душевной помощи, вижу, что из этого может составиться книга, полезная людям, *«страждущим на разных поприщах»*. Из этих слов можно было бы заключить, что новая книга должна была бы быть нечто вроде «Писем о духовной жизни», но планы Гоголя были, бесспорно, шире. В только что приведенном письме (к Языкову) читаем: «Бог весть, может, это будет полезно и тем, которые не находятся в таких обстоятельствах и даже мало заботятся о страданиях других. Я попробую издать, прибавив кое-что вообще о литературе». Тут же Гоголь добавляет: «Двигает мною теперь единственno польза, а не доставление какого-либо наслаждения». Гоголь чувствует себя *готовым* к тому, чтобы выступить с новыми идеалами, говорить «серъезно» с людьми (из письма начала 1846 г.); «Голова и мысль моя вызрели», — пишет он. «Мне открылись исходы, средства и пути, — пишет Гоголь, — раньше всякая мерзость *меня смущала*, я приходил тогда в уныние от многоного в России и от многоного мне становилось страшно». Теперь же он просветлен духом, так как открылись ему «исходы, средства и пути», так как он думает уже *«о самом существенном»* (письмо Плетневу, июль 1846 г.). «Приходит время, — писал Гоголь несколько позже, — когда должна объясниться хоть отчасти причина долгого моего

молчания и моей внутренней жизни». Но книга его «отнюдь не для забавы — здесь дело души, а потому нужно, чтобы ее прочли прежде всего духовники и люди, имеющие дело с душой и совестью человека. Прочие могут купить и *проверить ее чтением*. «Я составлял книгу, — пишет Гоголь в январе 1847 г. Плетневу (который издавал книгу), — *взвешивая потребности современные*. Въельгорской Гоголь пишет (январь 1847 г.): «Печатаю я книгу вовсе не для удовольствия публики и читателей, а также и не для получения славы или денег. Печатаю я ее в *твёрдом убеждении*, что книга моя нужна и полезна России, именно в нынешнее время, — в твердой уверенности, что если я не скажу этих слов, которые заключены в моей книге, то никто не скажет, потому что никому, как я вижу, не стало близким и кровным *дело общего добра*». Добавим еще несколько цитат, которые дорисовывают те задачи, которыеставил себе Гоголь в своей книге. «Ты глядишь, — писал он Плетневу (февр. 1847 г.), — на книгу с литературной стороны, как литератор — тебе важно дело собственно литературное. Мне же важно то дело, которое больше всего щемит и болит в эту минуту». «Мне хотелось, — писал Гоголь в те же дни Смирновой, — показать посредством книги *идеал возможности делать добро*, потому что есть много истинно доброжелательных людей, которые устали от борьбы и омрачились мыслью, что ничего нельзя сделать».

Так серьезно и честно задумал Гоголь свою книгу «о самом существенном» — о том новом отношении его к истории и историческому деланию, о новом понимании человека и его путей, о той задаче «общего добра» — которая вытекала из его религиозного миропонимания. Гоголь хотел в своей книге дать и программу этого «общего добра» и установить ясное отношение ко всем трудным вопросам современности — и вместе с тем приобщить к своему пониманию жизни всех тех, кто ищет добра. Свое одиночество в этом новом пути Гоголь, как видим, ощущал с полной ясностью, но молчать больше он не мог, не хотел. От советов друзьям и близким людям он обратился теперь ко всему русскому обществу и прежде всего к духовным и идейным вождям его. Гоголь «взвесил», до глубины вдумывался во все потребности времени — и с этим решил выступить в своей книге.

Перейдем теперь к систематическому изложению и анализу основных идей Гоголя в его книге.